

УДК 821.161.1-32(Астафьев В. П.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)63-8,44

ГСНТИ 17.07.41

Код ВАК 10.01.01

В. А. Стадниченко

Н. П. Хрящева

Екатеринбург, Россия

«ЗАТЕСИ» В. П. АСТАФЬЕВА: ЛИРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ МИНИАТЮРЫ В СИСТЕМЕ МАЛЫХ ФОРМ «ПЕРВОЙ ТЕТРАДИ»

Аннотация. Статья посвящена анализу лирического характера миниатюры В. П. Астафьева «Падение листа», которая входит в одноименную Тетрадь его книги «Затеси». Исследование базируется на трудах ученых (Е. В. Капинос, Е. Ю. Куликовой, А. Хансен-Лёве и др.) о малых формах XX века, вбирающих в себя свойства стиховых форм. Используемая нами методика мотивного анализа позволила выявить черты софийности и показать, как «смена и взаимоотношенность разных граней вечно женственного» становится началом, организующим лирический сюжет. Определен основной прием уподобления человеческого исхода березовому листу, покидающему своих собратьев. В ходе анализа была выявлена множественность оттенков этого состояния, лежащих в основе лирического сюжета. Показывается, как Астафьев посредством повторений, нанизываний однородных членов, единоначатий, ассоциативных связей создает образ мгновения длиною в вечность. Проявлен особый характер лирического субъекта: приближенный к автору лирический повествователь показан в способности, во-первых, стягивать в свой внутренний мир внешнее пространство, что позволяет ему «увидеть существенные свойства бытия в координатах Вечности»; во-вторых, быть транслятором «природного сознания», т.е. обнаруживать черты сверх-видения.

Ключевые слова: лирико-философские миниатюры; малые формы; литературные сюжеты; русская литература; русские писатели; литературное творчество; софийность.

V. A. Stadnichenko

N. P. Khryashsheva

Ekaterinburg, Russia

«ZATESI» BY V. P. ASTAFIEV: LYRICAL-PHILOSOPHICAL MINIATURES IN THE SYSTEM OF SMALL FORMS OF THE “FIRST NOTEBOOK”

Abstract. The article analyzes the lyrical nature of the miniature by V. P. Astafiev «The Fall of the Leaf», which is included in the Notebook under the same title of his book «Zatesi». The study is based on the works of the researchers (E. V. Kapinos, E. Y. Kulikova, A. Hansen-Loewe, etc.) of small forms of the twentieth century absorbing the properties of verse forms. The method of motif analysis used by the authors of the article allows them to reveal the features of the Sophian tradition and to show how change and correlation of various facets of the eternal feminine becomes a force organizing the lyrical plot. The authors figure out the main technique of likening man's retiring from the world to the fall of a birch leaf from the tree. Multiplicity of the shades of this state lying at the basis of the lyrical plot is revealed in the course of analysis. It is shown how Astafiev creates an image as long as eternity via reiteration, strings of homogeneous members, anaphora, and associations. The authors describe a specific character of the lyrical subject: the lyrical narrator close to the writer is depicted as able to, firstly, engulf in his inner world outer space, which allows him «to see the essential properties of existence in the bearings of the Eternity», and, secondly, be a translator of the «natural consciousness», i.e. demonstrate the features of super vision.

Keywords: lyrical-philosophical miniatures; small forms; literary plots; Russian literature; literary creative activity, Sophian tradition.

«Затеси» В.П. Астафьева — это лирическая книга, которую автор писал на протяжении всей творческой жизни. Внутри «Затесей» он выделил семь тетрадей, каждая из которых являет собой некое циклическое единство. Задача нашего исследования заключалась в попытке выделить в «Первой тетради» своеобразные «микроциклы» на основе жанрового сходства малых форм. В итоге мы обнаружили описательные миниатюры, где диффузно соприкасаются такие жанровые формы, как стихотворение в прозе и пейзажная миниатюра; лирико-философские миниатюры медитативного характера; лирический рассказ и миниатюры, тяготеющие к жанровой форме параболы.

В центре нашего аналитического внимания жанровая специфика медитативных миниатюр. Конструктивные принципы данного типа малой формы мы проявим на примере «разбора» миниатюры «Падение листа» (1978), давшей заглавие всей Тетради. Свои наблюдения мы выстраиваем, опираясь на со-

временный литературоведческий подход, связанный с изучением лирико-эпических форм, который был разработан новосибирскими учеными (Ю. Н. Чумаковым, Е. Ю. Куликовой, Е. В. Капинос).

Не менее важными оказались для нас положения И. И. Плехановой, которая рассматривает важнейшие образы, темы и мотивы писателя исходя из мировоззренческих основ его творчества. Доминантным в мировидении Астафьева является, на ее взгляд, категория Вечной женственности и связанное с ней софийное начало [Плеханова 2016: 218–241]. Во-первых, исследователь отмечает особую роль автора: «...писатель видит себя выразителем природного сознания, принявшего на себя общую вину за предательство материнской основы жизни...» [Плеханова 2016: 220]. Это сочувствие обуславливает «лирический по своей природе творческий дар писателя, чуткий ко всему прекрасному, трепетному, живому и сокровенному» [Плеханова 2016: 220]. И самая, на наш взгляд, важная мысль: «астафьевское признание

высшей мудрости не просто за искренней верой, но за отрефлексированным религиозным миропониманием» [Плеханова 2016: 220]. Именно наблюдение за природным миром и процесс рефлексии становятся ключевыми моментами в медитативных миниатюрах Первой тетради «Затесей».

Путем анализа лирического сюжета попытаемся обозначить черты софийности в миниатюре «Падение листа». Повествование в ней организовано голосом лирического повествователя, сближенного с сознанием автора. Сюжет представляет собой цепь переживаний и мыслей этого героя.

Начинается миниатюра с эпического «вкрапления»: «герой шел лесом...» (39). Его видению открываются два противопоставленных друг другу образа: с одной стороны — это лес, который «жил и силится затянуть...ушибы и раны» (39); с другой стороны — это «двое пьяных парней, надсаживая мотор пронесли мимо меня на мотоцикле, упали по скользкому спуску в ложок, ушиблись, повредили мотоцикл, но хохотали чему-то радуясь» (39).

Авторская позиция особенно ярко проявлена с помощью лексических средств. Люди, которые приезжают в лес, чтобы загрязнять и губить его, оцениваются автором, как ненужный хлам, что проявлено такими словами, как — «валялись», «наехавшие». Причем в данном контексте слово *валялись*, благодаря такому свойству лирического текста, как сукцессивность, проявляет не первое словарное значение, а второе — 2. Когда вы говорите, что какой-то предмет валяется где-либо, вы хотите сказать, что он находится не на своем обычном месте, нарушая порядок. *По всей квартире валялись старые газеты и журналы* [Дмитриев. URL].

Особенно ярко заявляет о себе лирическое начало. Лирический субъект «...уловил еле слышное движение, заметил искрой светящийся в воздухе и носимый воздухом березовый листок» (39, 40). Лирический повествователь в этом абзаце с помощью средств поэтического языка создает неповторимый образ листка и березы. В данном абзаце передано состояние печали. Оно связано с увяданием, проявленным с помощью эпитета — *увядающее* дерево. Метафора «искрой светящийся в воздухе» (40) помогает создать образ еще живого, еще не опавшего, борющегося за свою жизнь листка.

С помощью наречия, передающего образ действия, автор изображает падение листка как медленный и торжественный процесс: «торжественно падал он» (40). Листок описан Астафьевым с проникновенной любовью, писатель придает ему необыкновенное сходство с человеческим образом. Вот показано прощание листка с его братьями: «...цепляясь за ветви, за изветренную кожу, за отломанные сучки, братски проникая ко встречным листьям...» (40). Всеми оставшимися силами листок пытается замедлить свое падение.

Метафоризации подвергаются хронопические категории: «время как бы замедлилось...удерживало себя» (40), посредством чего передается ощущение длящегося мгновения, «миг падения листа все растягивался» (40). И одновременно показано, сколько бы время не замедлялось, падение листа и смерть его

неизбежны, природа все равно возьмет свое: «...но могильная темь земли...втягивала его желтое свечение» (40). Показать протяженность этого падения, остановить мгновение автору также помогают сложные синтаксические конструкции.

Но вот наступает мгновение, когда лист опускается на руку лирическому повествователю. Сравнение *недоверчивой бабочкой*, эпитеты *растопорченный*, *взъерошенный*, *невесомой* передают изменения, связанные с главным образом. Лист уже не представляет собой светящуюся искру, он показан как лишенный свечения «холодящий кожу невесомой плотью» (40). Несмотря на это, лист еще удерживает свое живое присутствие в бытии: «освежая воздух едва уловимой горечью, последней каплей сока» (40).

И, наконец, с помощью сравнения «обрывком искуренной бумажки» (40) Астафьев показывает нам окончательное завершение падения листа, жизнь его прервалась, он «расклеился на моей ладони» (40). Падение листа с помощью эпитета передается как *беспредельный* полет. Метафизичность этого явления подчеркивается эпитетом *единственный* (как *неповторимый*), а неизбежность произошедшего проявлена с помощью категории состояния — *суждено*.

Процесс падения листа вызывает в лирическом субъекте напряженную работу мысли, которая передана автором с помощью нанизывания риторических вопросов: «Как он пробудился и занял свое место в лесу? Не замерз весною, не засох в июльской жаре?...» (40).

Медитация над жизненным исходом листа переходит в философствование лирического субъекта о жизни и ее истинной радости. Авторская мысль данной миниатюры заключается, на наш взгляд, как раз в том, что природа мудра и все в природе знает главный смысл жизни. По Астафьеву, он предельно прост — радоваться самому процессу и не забывать, что все в мире едино, мы — часть этого мира, оторваться от мира — значит потерять понимание своего существования. А человек обрывает все свои связи с миром в погоне за тем, что на самом деле оказывается ничтожным. Суэта и бесконечный «бег» не дают человеку насладиться счастьем жизни, а лишь крадут его, приближая человека к смерти. И негодуя автор оценивает поступки людей, которые, не умея радоваться жизни, только и делают, что извращают жизнь своими ложными учениями. В размышления повествователя вторгаются «ноты» публицистики с ее повышенной экспрессивностью и оценочностью. На лексическом уровне это проявляется с помощью использования негативно оценочной лексики — «ублюдки, психопаты, чванливые самозванцы». Также используется ирония для передачи негативной авторской оценки: «И все они, начиная от инквизитора Торквемады, дубиной проламывавшего неразумным черепа, чтобы вбить в них самую справедливую веру в Господа Бога, от конквистадоров, миссионеров и всевозможных благодетелей, пекшихся о «свободе» и «чистоте души» человеческой...» (41). В этом отрывке текста раскрывается вся абсурдность деятельности так называемых «благодетелей», которые своей лживостью

вводят в заблуждение человека, отдаляют его от понимания истинной ценности бытия.

После исповедально-публицистического «выплеска» внутренний взор лирического субъекта вновь возвращается к миру природной глубины, разумности, благодати. Он движется к осознанию наступления осени. Осень связывается для него с необходимостью остановки и самоочищения. Но «...остановиться уже невозможно» (42). И, доказывая это, лирический повествователь использует ряд однородных сказуемых, нанизывает их друг на друга, чтобы показать всю суетность нашего века и его бесполезность и бездуховность: «Мы мчимся, бежим, рвем, копаем, жжем, хватаем, говорим пустые слова, много, очень много самоуспоительных слов, смысл которых потерян...» (42).

А страшнее всего для него становится мысль о том, как закончит человек эту жизнь и здесь явная антитеза: вместо торжественного, медленного падения листа, человека ждет «мимоходное, обыденное и простое»: «на бегу вытряхнет из себя толпа еще одного спутника...» (42).

Все эти размышления и переживания лирического субъекта, вызванные торжественным падением листа, приводят его к осознанию своей бренности, быстротечности жизни, приближению конца и страха перед ним.

Лирический сюжет данной миниатюры строится таким образом на тонкой параллели: изменения в природе вызывают изменения состояния души лирического субъекта. При виде увядающей березы он испытывает печаль, а торжественное падение листа вызывает в нем целую гамму чувств — от восхищения до трагических предощущений. Мысль о наступлении осени вызывает в нем «робкое желание» остановиться, но осознание невозможности что-то остановить вызывает в герое чувство нарастающей грусти: «Мне было грустно, очень грустно, хотелось улететь куда-то» (43).

Нарастающая грусть усиливает метафизические интуиции, нашедшие выражение в особой лирической интонации. Она создается в данной миниатюре с помощью повторов, нанизывания однородных членов, что позволяет автору создать образ затянувшегося времени, мгновения длиною в вечность. Повторы: «все труднее и труднее», «все тягостней и тягостней», «Прощай! Прощай!.. Скоро и мы... Скоро и мы... Скоро... скоро...» (40), «их были тысячи и тысячи убудков...» (41), «без слов, без смысла, одним нутром, одним лишь горлом...» (43) и т.д. Нанизывание однородных членов: «И все-таки лес жил и силился затянуть, заклеить пластырем мхов, припорошить прелью рыжих гнилушек, засыпать моросью ягод, прикрыть шляпками грибов ушибы и раны...» (39) и т.п. Отметим и многочисленные единоначатия, которые придают ощущение повторяемости и бесконечности: «Сколько сил потратила береза, чтобы этот ее листок выпростался из немой, плотно заклеенной почки...?» (40) «Сколько произошло радостей, любви, горя, бед? Сколько пролилось слез и крови?» (42) «Сколько их еще осталось? Сколько еще предстоит томиться непонятной человеческой тоской... Кто скажет нам об

этом? Кто утешит и успокоит нас...?» (43) «Притихла земля. Притихли леса...» (42) и др.

Лиризм создается благодаря «нераздельной неслиянности» мира природного и человеческого: «пластырем мхов», «довольного собою, самодовольно бодрого светила», «кто утешит и успокоит нас... одиноко и тихо опадающих на землю» и др. Природное и человеческое взаимоотражаются друг в друге, автор через яркие образы, сравнения показывает нам органическую связь между этими мирами.

Предложения связаны ассоциативной связью. Один образ «тянет» за собой другой. Так, например, падение листа ассоциируется с наступлением осени, незаметно улетающими днями человеческой жизни. Торжественное падение листа вызывает у героя мысли о собственной кончине: «на бегу вытряхнет из себя толпа еще одного спутника и умчится дальше, даже не заметив утраты» (42).

Усиливают взаимосвязанность миров необычные сравнения: «лист зареял надо мной и недоверчивой бабочкой опустил на ладонь» (40), «...прогнулся серединой лист и обрывком искуренной бумажки расклеился на моей ладони» (40), «заметил искрой светящийся в воздухе и носимый воздухом березовый листок» (40), «очень много самоуспоительных слов, смысл, которых потерян где-то в торопливой, гомонящей толпе, обронен, будто кошелек с мелочью» (42). Эти сравнения ассоциативно сближают слово лист с самыми разными проявлениями жизни. Эта крошечная частица бытия становится сложным образом, вмещающим в себя самые различные ипостаси, иначе говоря, лист оказывается многоликим образом.

Риторические вопросы прорисовывают те таинственные изменения, которые открываются сверхвидению героя в окружающем его природно-человеческом пространстве: «Сколько еще предстоит томиться непонятной человеческой тоской...? Как воссоединить простоту и величие смысла жизни со страшной явью бытия?» (43).

Смысл слова лист в миниатюре меняется, варьируется. Так в первом значении лист воспринимается нами как орган растения, затем образ листарбенка: «Там сверху в зеленой березовой семье жил и этот листок величиною с гривенник. Самый маленький, самый слабый...» (40). Лист — предвестник осени, лист как образ святого: «...чтоб отпечатался его лик в беспредельности мироздания» (42), далее лист воспринимается героем как год жизни, как время, тут же возникает и образ календарного листка. И наконец, последняя параллель «лист — человек»: «Быть может туда, откуда опали живым листом, в пути обретшим форму человеческого сердца...» (43).

На наш взгляд название миниатюры связано с тем, что для автора самым главным процессом оказывается именно падение листа. Благодаря этому возможна была напряженная работа мысли лирического субъекта, осознание, открытие каких-то таинственных сторон бытия. «Падение листа» — это назывное предложение, в качестве заголовка оно вскрывает бытийственный смысл изображаемого явления. И главный образ также выносится в назва-

ние. Мудрость природы в том, что все живые существа в ней борются за свое существование.

Итак, лирический сюжет движется не только сменой состояний, проявленных в природе и внутреннем мире лирического повествователя, но и его философскими раздумьями, рефлексией над окружающей действительностью и своим душевным состоянием. Астафьев использует данную жанровую форму для того, чтобы, во-первых, создать образ лирического героя — сверхчуткого к миру. Именно такой герой оказывается способен «транслировать мудрость природы» [Плеханова 2016: 220]. Во-вторых, вскрывая бытийственное начало в каком-то, казалось бы, совсем незначительном явлении, мгновении жизни показать подобие микро- и макромиров. В-третьих, благодаря философским размышлениям героя устанавливается истинная мудрость природы и ей противостоящая бренность и суетность человеческого существования.

ЛИТЕРАТУРА

Астафьев В. П. Затеси // Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 7. Затеси. — Красноярск: «Офсет», 1997. — С. 544.

Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://enc-dic.com/dmytriev/Valjatsja-2367.html> (дата обращения 14.11.2016).

Капинос Е. В. Малые формы поэзии и прозы (Бунин и др.) / Е. В. Капинос; отв. ред. К. В. Анисимов; Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт филологии. — Новосибирск: ООО «Открытый квадрат», 2012. — С. 334.

Капинос Е. В., Куликова Е. Ю. Лирические сюжеты в стихах и прозе XX века / Институт филологии СО РАН. — Новосибирск, 2006. — 335 с.

Кубасов А. В. «Затеси» В. П. Астафьева как тип сибирского текста // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы

XIX–XXI веков: монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. — М.: Флинта: Наука, 2015. — 384 с. — С. 263–264. — (Серия «Универсалии культуры». Вып. VI).

Плеханова И. И. Вечная женственность в природно-социальной концепции В. Астафьева (на материале повестей «Пастух и пастушка» и «Обертон») // Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия: монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. — М.: Флинта: Наука, 2016. — С. 218–241. — (Серия «Универсалии культуры». Вып. VII).

REFERENCES

Astaf'ev V. P. Zatesi // *Astaf'ev V. P.* Sbornie sochineniy: v 15 t. T. 7. Zatesi. — Krasnoyarsk: «Ofset», 1997. — S. 544.

Dmitriev D. V. Tolkovy slovar' russkogo yazyka [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <http://enc-dic.com/dmytriev/Valjatsja-2367.html> (data obrashcheniya 14.11.2016).

Kapinos E. V. Malye formy poezii i prozy (Bunin i dr.) / E. V. Kapinos; отв. ред. К. В. Анисимов; Rossiyskaya akad. nauk, Sibirskoe otd-nie, In-t filologii. — Novosibirsk: OOO «Otkrytyy kvadrat», 2012. — S. 334.

Kapinos E. V., Kulikova E. Yu. Liricheskie syuzhety v stikhakh i proze XX veka / Institut filologii SO RAN. — Novosibirsk, 2006. — 335 s.

Kubasov A. V. «Zatesi» V. P. Astaf'eva kak tip sibirskogo teksta // Sibirskaya identichnost' v zerkale literaturnogo teksta: tropy, toposy, zhanrovye formy XIX–XXI vekov: monografiya / отв. ред. Н. В. Ковтун. — М.: Флинта: Наука, 2015. — 384 с. — С. 263–264. — (Серия «Универсалии культуры». Вып. VI).

Plekhanova I. I. Vechnaya zhenstvennost' v prirodno-sotsial'noy kontseptsii V. Astaf'eva (na materiale povestey «Pastukh i pastushka» i «Oberton») // Russkiy traditsionalizm: istoriya, ideologiya, poetika, literaturnaya refleksiya: monografiya / отв. ред. Н. В. Ковтун. — М.: Флинта: Наука, 2016. — С. 218–241. — (Серия «Универсалии культуры». Вып. VII).

Данные об авторах

Виктория Александровна Стадниченко — магистрантка 2 курса Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: vika-stadnichenko@mail.ru.

Нина Петровна Хрящева — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: ninaus@olympus.ru

About the authors

Stadnichenko Viktoriya Aleksandrovna, Second Year Master's Degree Student, Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Nina Petrovna Khryashcheva, Doctor of Philology, Professor of Department of Literature and Methods of its Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).